891.79
L97
Op

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF ILLINOIS
AT URBANA-CHAMPAIGN

ELIAS CZAYKOWSKY
COLLECTION OF
UKRAINIAN CULTURE

891.79
L97
Op

Digitized by the Internet Archive
in 2017 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/podorozhmykytykh00luts

І. Я. ЛУЦЫКЪ

ПОДОРОЖЬ МИКИТЫ ХРУНЯ

по Американской земли.

цѣна 25 центовъ.

Издатель П. Ив. Сейфертъ

НЬЮ ЙОРКЪ

Зъ друкарнѣ П. Ив. Сейферта, 220 Е. 3. ул.

1909

(CUCKOO)

220 E. 3rd Street. New York, N. Y.

Народно-русскій журналь (Газета въ формѣ книжочокъ) выходитъ два разы въ мѣсяцю.

Предплата на годъ (съ преміею) $ 2.00,
безъ преміи $ 1.50.

Изданье тое полное поучаючихъ статій, гумористичныхъ розводокъ и новостей.

Печатаесь етимологичною правописью.

Редакторъ-издатель П. И. Сейфертъ.

СОДЕРЖЕНЬЕ.

Сторона

1. Привитанье 5
2. Кто то есть Микита Хрунь 6
3. Въ Америцѣ 8
4. Въ контрахъ 9
5. Змовины 12
6. Весѣлье 14
7. На митингу 16
8. Въ церквѣ 18
9. Сонъ Хруня . . . 20
10. Хрунь на крестинахъ . . 21
11. Встрѣча съ старымъ знакомымъ . 24
12. Хрунь патріота . . . 27
13. Хрунь межи „фамиліею" 29
14. Хрунь тужитъ за рôднымъ краемъ 31
15. Свояченниця Хруня . 33
16. Хрунь въ зальотахъ . . 35
17. Хрунь кается . . 37
18. Хрунь на бали . . . 40
19. Хрунь въ гостяхъ межи „телигенціею" 42
20. Хрунь постить . . 45
21. Хрунь при „роботѣ" . . 46
22. Хрунь „лоеруе" (адвокатуе)48
23, Хрунь за желѣзными фиранками 50
24. Хрунь на конвенціи . . 52
25. Хрунь на смертной постели 54
26. На Божомъ судѣ . . . 57
27. Похоронъ и заключенье 60

І. Я. ЛУЦЬКЪ

ПОДОРОЖЬ МИКИТЫ ХРУНЯ

по Американской земли.

цѣна 25 центовъ.

Издатель П. Ив. Сейфертъ

НЬЮ ЮРКЪ

Зъ друкарнѣ П. Ив. Сейферта, 220 Е. 3. ул.

1909

891.79
L97
Op

ПОДОРОЖЬ МИКИТЫ ХРУНЯ
по
АМЕРИКАНСКОЙ ЗЕМЛИ.
ПРИВИТАНЬЕ.

Чи вы чували на Божóмъ свѣту,
Добреньки люди та за Микиту?
Може где „няньо", або мамуня
Часомъ сгадали дѣтямъ за Хруня,
А може многи совсемъ не знаютъ,
Съ кимъ ся братаютъ, съ кимъ ся витаютъ.
Оно и правда, щось съ поконвѣка
Есть въ мене родня дуже велика,
Есть и въ фрайконтрахъ Микиты Хрунѣ,
Тожь я вотъ бачте, въ власной персунѣ
Всѣхъ ихъ витаю. А що вертаю
Зъ далекихъ контрóвъ, то Вамъ опишу
Все, що я видѣлъ, ничъ не залишу,
А якъ где сбрешу, то съ осторожна,
Бо въ правдѣ жити нынѣ не можна,
А Хрунь Микита, якъ той тамъ кае,
Корчмы держится, правду минае!

. . . . . .

А перше всего моя потѣхо,
Моя отрадо на всяке лихо,
Моя флящино, сердечный друже,
Съ которымъ все мы любимся дуже,
Витай сестричко! До конца свѣта,
Хрунь не обóйдеся безъ корыта,
А при корытѣ есть сновь и водка!
Тожь най пѣснь наша буде коротка,

Най я напюся а такъ до пяна,
А тамъ спѣваю хотя до рана!

. . . . . .

А вы почуйте и кимитуйте,
Кождого слова добре пантруйте,
Бо часомъ добре ся поучити
Горькои правды и — отъ Микиты!

ПѢСНЬ ДРУГА.

КТО ТО ЕСТЬ МИКИТА ХРУНЬ.

Я вамъ роскажу, щобы всѣ знали,
Кто то Микита, щобы вы дбали
Всегда за Хруня. Я родился
Уже пяный, въ моемъ родѣ
Всѣ съ фляшкою жили въ сгодѣ,
Дѣдъ по пяному втопился,
Дядько дуже зажурился
И повѣсился на гили.
Лишь мой тато, щобъ прожили
Жіютъ собѣ счастно далѣй
Въ криминалѣ.
Та и я фляшокъ держался,
По всѣхъ ярмаркахъ все шлялся
Былъ съ жидками за панъ братъ.
При выборахъ я паную,
Обжираюсь, бенкетую
Ажъ паны мене хвалятъ:
"Вотъ Микита свинске рыло
Все бы цькало, все бы пило,

Та за то онъ добрый хватъ;
За помыи, за охлапы,
Лиже всѣмъ намъ корно лапы,
И честь Руси продае,
Такихъ бо́льше, щобъ мы мали
Тобъ на Руси панували —
Хрунь — Микита най жіе!"

А жидки снова пануютъ
И хоть въ маму накладутъ,
То все „бромфомъ" почастуютъ
И въ компанію берутъ.
„Гей Микита, мои любы,
Запалѣтъ менѣ разъ-два въ грубѣ,
И корове попасѣтъ,
А потомъ свое головке
По подъ лавке, при коновке,
На добрано́чъ положѣтъ!"

А бывало жиденята,
Гдесь сбересь ихъ полна хата,
Тай кричатъ свое: айвай,
Ты Микита грайся съ нами
И „гамана" удавай!
То бывало патыками,
По колѣнахъ мя сѣкутъ
А жиды лишь ся смѣютъ,
И частуютъ — отсе знай,
То Микиты Хруня рай!

А тамъ въ хатѣ жѣнка, дѣти,
Голы, босы, недобиты,
Примираютъ, погибаютъ,

Мене, тата, проклинають,
Що на Бога я забылъ.

Чортъ тамъ съ ними, ябъ пропилъ
Ихъ и нынѣ, та що съ того,
Жидъ недасть за нихъ ничого;
Най счезаютъ менѣ съ очей!
Тай пропилъ я ще и хату,
Въ руки палку взялъ сукату,
И сказалъ земли своей:
„Пращай, пращай,
Не памятай
На таку якъ я публику,
Я за краемъ не баную.
И скоренко помандрую
Въ Америку!"

Теперь вы знайте, кто я такій,
Я Микита, скотъ отъ скота,
Я піяцкій патріота,
Я до чарки не лихій!
Брехунъ, злодій, калакунь,
Ганьба Руси — то я — Хрунь.

ВЪ АМЕРИЦѢ.

Пріѣхалъ я въ Америку,
Люди ся сглядаютъ,
Смотрятъ, бачь, на мою пику,
Тай такъ повѣдаютъ:
„Видно, знатна то особа,
Знатне рыло мае.

А нôсъ, най го тамъ хороба,
Якъ огонь сіяе.
А я просто до салуну,
Кажу чарку дати,
За мою ачей персуну
Варта есть подбати!
А тамъ дальше такъ думаю,
Якось оно буде,
За роботу я не дбаю,
Нехай дбаютъ люди.
Щобы Хруни пановали
И другихъ дурили,
Все въ кешени доляръ мали
И все виску пили.
По всѣхъ плейзахъ переѣду,
Придивитись всьому,
И на ганьбу и огиду,
Поверну до дому.
Най свѣтъ знае, кого мае,
Най покажу свѣту,
Що никто не придумае
Хруня — надъ Микиту!

ВЪ КОНТРАХЪ.

Салунъ и бара. Рѣчь звычайна,
При барѣ нашь Микита Хрунь,
Его не торгай и не трунь,
Передъ нимъ чарка екстра файна,
При немъ „краяновъ якихъ сто!

А „бось" лишь только доливае,
Тажъ пейда нынѣ, добрый часъ,
А Хрунь Микита попивае,
Тай всѣмъ до сердця промовляе:
Кричитъ: гей люди, го, го, го!
Я не на жартъ прійшолъ до васъ,
До нынѣ певно вы не знали,
Що вы не люди, а радикалы,
Давали вѣру вы попамъ;
А пòпъ добра не хоче твого,
Дере съ живого и вмерлого
Тому попòвъ не треба намъ!
Платишь колекту, тфу, дурница,
Абожъ поможе Богъ тобѣ?
Пильнуй вотъСруля, Мошка, Иця,
А не погибнешь ты въ журбѣ!
Кто чувъ за небо? Тутъ при пивѣ
Правдиве небо — кождый, знай,
Що радикалы мы правдивы,
А ты, намъ газда наливай!"

И пютъ краяне, долго, чорно,
Десятый кекъ порожный сталъ,
Шинкарь смѣеся лишь проворно,
Що чортъ Микиту тутъ прислалъ.
Попились люди, якъ безроги,
Давай по мордѣ кума кумъ,
Тягни за лобъ по за пороги,
Чужимъ на смѣхъ, собѣ на глумъ,
Прійшла полиція — тай палками
Куда попаде, тамъ валитъ
А Хрунь Микита пòдъ лавками
По радикальному лежитъ.

Пропили люди грошь послѣдный:
Та скваеръ также каже: „дай!"
И не поможе тато родный,
Вотъ то фри-контры, вотъ то рай!

По „гавзахъ" жѣнка, бѣдны дѣти,
На тата, тай на пейду ждутъ,
До рота въ нихъ нѣтъ що вложити,
А тамъ таты въ сальонахъ пютъ.
Пропили совѣсть, вѣру въ Бога,
И кождый зъ нихъ на честь забылъ,
Чужа имъ правды есть дорога,
Бо правду кождый зъ нихъ пропилъ!

И кождой днины милiоны,
На виску, пиво всѣ даютъ,
И кождой днины плачь и стоны
Сиротъ нестчастныхъ въ небо идутъ!
И кождой днины всѣ сальоны
На путь пекольну насъ ведутъ!

А Хрунь Микита научае,
Щобы всѣ темны люди знали,
Що въ вiсцѣ Русь погибель мае,

. . . . . .

Мы Хруни пьемъ — мы радикалы.

ЗМОВИНЫ.

Джанъ Худоба, хлопъ моторный,
Добрый злодѣй, піякъ чорный.
Хоче Меру посватати,
Каже: Хруню, любо, свате,
Пойдемъ на горѣлку,
Видишь Мера добра голька
А хоть мамка, ще и полька,
То бери ей чортъ мамуню,
Мае бо́льшь, якъ сто́вку!"

Хрунь на то, щобы все рыло
Вонхалъ всюда — щобъ не было,
Тай каже до Джана:
Ходѣмъ сердце та змовляймо,
А потому попиваймо,
Хотя бы до рана!

Мери знае и чекае,
Въ „гавзѣ" ладно прибирае,
И иде по виску:
А газдыня, полна уму,
Тащитъ скоро до „бедрума",
Мерину колыску.

Но не тую, въ котрой мати
Мери колысала,
А другую; що ю мала
Сама Мери. По що вамъ пытати!
Где горѣвка — тамъ и дѣвка,
На честь забывае,

Грѣхъ ся множитъ, чортъ гуляе,
А Господь карае!

Сѣлъ на „чери" Хрунь Микита,
Бере фляшку въ руки,
Послухайте въ многа лѣта,
Мудрои науки.
„Поберѣтся и любѣтся,
За чубы водѣтся,
А ученыхъ филозофовъ
На вѣкъ отречѣтся!
Только зыску, що е въ пыску,
Памятайте все на виску,
Най ся куритъ съ лоба,
А ты хлопе не журися,
По сальонахъ все гордися,
Що ты — Джанъ Худоба!

И ты Мерп не журися
Передъ себе не дивися,
Будешь добре жити,
Кобы только худобята
Надалисъ до свого тата,
А теперь давай флящину,
Я въ счасливую годину,
Лыкну съ вами,
Наливай!"

И зачалася велика
Радикальна пятика,
Для всѣхъ хруневъ добрый рай!

Съ плачемъ душевнымъ изъ той хаты
Улетѣлъ въ небо ангелъ крылатый
Святого міра — Не христіяне
Тамъ проживаютъ, житье погане
Стерло съ нихъ пятно Божои силы,
Они вже душу давно пропили,
Они погибнутъ въ піяцкомъ блудѣ.

. . . . . .

А тамъ по смерти на Божомъ судѣ
Почуютъ слово, „идѣтъ прокляты
Въ огонь пекольный!"
О Русе Мати
Заплачь надъ тѣми, що ся не каютъ,
Що при горѣлцѣ душу ,,змовляютъ,"
Що убиваютъ ею грѣхами
И идутъ слѣпо Хруня слѣдами.

ВЕСѢЛЬЕ.

Полна галя! Музыка грае,
Та басъ по пяному гудитъ,
И скрипка пяно завивае,
А Хрунь при фляшцѣ все сидитъ.
И пяне все, хоть полна хата
Людый, та щожь, всѣмъ въ очи плюнь
Пойшло все слѣдомъ пана свата,
А сватомъ есть — Микита Хрунь!
Попились скотски молодята,
Бестыдны пѣсни чуетъ тутъ,

Для пекла жатва пребогата,
А люди — пютъ!
Нашъ Хрунь наставилъ пяне рыло,
„Гей пійте люди, ажь до дна,
Щобъ ся Худобѣ добре жило,
Щобы не зналъ онъ, що бѣда!"

Та не скôнчилъ Хрунь свого слова,
Бо посварились два сватки,
И вотъ чудасія готова,
Пôйшли въ роботу кулаки!
Вже льеся кумѣ юшка съ носа,
Худобѣ око сватъ пôдбилъ,
А Хрунь на все ся дивитъ съ коса,
Щобы липь — галонъ свой допилъ.
А тамъ начне онъ газдовати,
Онъ знае бити и въ морду брати,
А ну но-хлопцѣ, начинай!
Крикъ, бôйка, пекло. Боже, Боже,
Кто описати тутки може
Тотъ микетовскій, адскій рай!

Прійшла полиціа, бье палками,
И до арешту всѣхъ веде,
Смѣются люди! Дикунами,
И „крейзи пипл-омъ" всѣхъ зове.
А Хрунь Микита чихнулъ тричи,
Ему въ таке що-денно грай
И простягаеся на причи,
И каже другимъ: „велъ, гутъ бай!"

Въ арестѣ гости, молодята,
Отъ то несчастный коровай.

Горѣлко, тричи будъ проклята!
А ты, о Русе, заридай!

НА МИТИНГУ.

У насъ былъ митингъ, до конця свѣта,
Мы спамятаемъ тотъ то день,
На митингъ, бачь, прійшолъ Микита,
А пяный, начебъ въ зрубѣ пень!
А що мы хруни — радикалы,
Дурны сыны дурныхъ мамунь,
То въ одинъ голосъ мы сказали,
„Нехай „председа" буде Хрунь!"

Микита рыло наставляе
Дивѣтся люди, вотъ то я,
А отгомонъ отповѣдае:
„Я Хрунь, я, я, свиня!"

Священникъ каже: „добры люди,
Кôнца у насъ якось нема,
Даремны виджу всяки труди,
Наука всяка тутъ дарма!
Въ бездолю гибнутъ ваши дѣти,
Собѣ на сумъ, чужимъ на смѣхъ,
Пора по людски разъ вже жити,
А то у насъ — одинъ лишь грѣхъ!"

На то Микита повѣдае:
„Вы насъ тутъ въ гали не учѣтъ,
Пôпъ тôлько въ церкви право мае,
А поки „пипель" васъ тримае,
То берѣтъ пейду и молчѣтъ!
А що мы пьемо, що ся бъемо,
Що мы худобою жіемо,
Що позабыли мы на честь;
То знайте добре: намъ не треба,

Бога и вѣры, церкви, неба,
Бо Хрунемъ кождый былъ и есть!

А якъ вамъ „ксенже" не подоба,
Берѣтъ пакташку, и ґуд-бай!"

Пôдноситъ голосъ, Джанъ Худоба:
„Прогнати „ксендза", айнсъ, цвай, драй!"
Якъ онъ насъ смѣе научати,
Або мы дѣти, ейже, га?
Мы въ вшсцѣ маемъ всѣ догматы,
А пôпъ — громадскій есть слуга!

Поднесъ священникъ въ небо очи:
Всевышный Боже съ высоты,
Отъ тѣхъ сыновъ душевной ночи
Спаси, помилуй, просвѣти!"

Пôйшолъ, а хруни бачте рады;
„Вотъ вамъ Микита, мудрагель,
Вотъ вамъ головка отъ парады,
А отъ горѣлки и дрегель,
И дальше мудро митингуютъ,
Бо въ гали чути райвахъ, крикъ,
Вже кулаками ся частуютъ,
А Хрунь пôдъ лаву бачте смикъ!

Прійшла полиція, розганяе,
„Гунґеріянъ пшелъ", дикуны.
А Русь слезою ся вмываe.

. . . . . .

Божъ то ей, ей сыны!

. . . . . .

Конецъ митингу, где? въ салонѣ,
Тамъ наши хруни дальше пютъ,
Сплелись въ вѣнецъ пяниць долони,
А нашъ Микита першій тутъ.
Плете, ажъ слины съ рота точитъ,
Съ болотомъ вѣру всю смѣшалъ,
Пянюгамъ лобы онъ мо̀рочитъ,
Межь ними „мудрымъ" онъ ся сталъ.

И не поможе научати,
Не двигнесь съ гроба Русь свята,
Якъ долго будутъ пановати
Піанство, злоба, темнота.

ВЪ ЦЕРКВѢ.

Началась Служба, хоръ спѣвае:
„Единородный Божій Сыну,
Прости намъ грѣхъ, та и провину,
Най Русь вже бо̀льше не страдае,
Зако̀нчи нашу долгу муку!"

Началъ священникъ вотъ науку,
Законо̀въ Божихъ научае,
А въ то̀мъ ся голосъ отзывае,
Якъ сто колесъ безъ смаровила,
Ажъ вся громада сдеревѣла.
То изъ Микиты пяного рыла
Несесь хропѣнье. Спытъ и грае

Хрунь въ Божомъ домѣ въ бѣлу днину.

А тамъ священникъ повѣдае,
За що страдалъ Ты, Божій Сыну?
На то создалъ Ты на подобу
Свою насъ грѣшныхъ, окаянныхъ,
Щобъ отъ дивинства ажь до гробу
Мы въ злобахъ жили безнастанныхъ?

Щобы мы соромъ наводили
На безталанную землицю?
Щобы за трутку, за марницю,
Мы честь и совѣсть продавали,
Лягали пяны и вставали,
На стыдъ и соромъ въ церквѣ спали?
О Отче, Боже въ годинѣ суда
Где мы пайдемся?
Колижь проснемся
Изъ сна піянства, изъ его блуда?

Таты въ запою жили лѣтами,
Сыны за море пшли съ торбами,
И еще тутки они незрячи,
Гибнутъ въ піянствѣ, хотятъ неначи
Доказомъ стати для всего свѣта,
Що ихъ героемъ есть — Хрунь Микита.

Геп, схаменѣтся и отречѣтся
Хруньства и хамства, и облечѣтся
На жизнь новую, на жизь святую
Просвѣтну, ясну и всеблагую,
Щобъ прославлялась Руси громада,
Щобъ пропадала вся — хруніада!"

СОНЪ ХРУНЯ.

А Хрунь Микита спитъ и не знае,
Где онъ. Що бо́льше любый сонъ мае,
И ему снится, що онъ при барѣ
Передъ нимъ всяких високъ по парѣ,
А дальше „кеки“ съ шумячимъ пивомъ,
Но що такого? Все дивнымъ дивомъ
Огнемъ горѣе, и паленѣе
Все его тѣло. Въ огненной фили
Гдесь жѣнка, дѣти ся появили,
И простягаютъ свои долони,
Щобъ вергти Хруня въ огнемне море.
Въ Микитѣ сердце отъ страху млѣе,
Сдаесь, що чуе онъ тяжки стоны:
„За нашу нужду, за наше горе,
За наши слезы, будь все проклятый!
Ты душамъ нашимъ далъ загибати,
Мы черезъ тебе спали по́дъ тыномъ,
Холодомъ пухли и примирали.
Мы сло́въ молитвы святой не знали,
За то ты вѣчно будь пекла сыномъ!“

И вотъ Микита вже опинился
Въ пекольномъ мори. Вже загибае,
Надармо въ помо́чь Бога взывае.
Счезай проклятый!
Отъ такъ ско́нчился

Тотъ сонъ пiацкiй. Чи скористати
Умѣлъ онъ съ него? Кто хоче знати,
Тотъ може въ другой книзѣ читати.

Конецъ первои части.

Часть друга.

ХРУНЬ НА КРЕСТИНАХЪ.

Кто разъ попался въ чорта руки,
Тотъвже пропавшій. Нашъ Хрунь Микита
Гуляе дальше и безъ принуки,
А хотя пыка кровію залита,
Хотя въ горячцѣ вѣчно онъ ходитъ,
То пье якъ перше, и повѣдае,
Що свини брага ничо не шкодитъ.

Вотъ, хотя нынѣ, Хрунь пана грае,
Бо у сосѣды были родины,
А тамъ крестины.

Нашъ Хрунь за кума. Въ церквѣ сарака
Не може бѣдный просто стояти,
А тутъ и свѣчку треба держати,
Тай ще и „Вѣрую" въ голосъ казати.
„Ехъ, яке лихо! якъ тамъ тотъ кае,
„Вѣрую", пацѣръ, кто его знае?"
Ворчитъ Микита наче собака,
За те безлично наставилъ пыку,
Коли вписатись треба въ „мантрику".

За то вже въ „гавзѣ", тамъ то Микита!
„А ну но хлопци, гей до корыта,

„Давай же чарку, будемъ крестити
Самы дитину, щобъ знала пити,
Щобъ сама пила и доливала,
Микиту Хруня въ шанобѣ мала!“

На стыдъ, на соромъ, піякъ поганый
Сбольшити злобу грѣховну хоче,
Слова молитвы на смѣхъ мормоче,
Вискою кропитъ бѣдну дитину,
Щобы былъ рóвножъ вѣкъ ей пяный.

Бабы смѣются ажь до загину:
„Тамъ то Микита, тамъ то разъ бравый,
Тамто сердечный, тамто ласкавый!“
А Микита верещитъ:
„Нехай свѣтъ ся весь сказитъ!
Нехай льеся намъ пóтъ зъ лоба,
А мы піймо, якъ худоба,
Най дитинка намъ жіе,
Шлякъ на того и хороба,
Кто не пье!“

Гейже скоро, нумо, нумо,
Пій до мене любо кумо,
Веселѣйшій стане умъ;
Ты родила, ты повила,
Теперь кумо будешь пила,
Щобъ дитинка долго жила,
Такъ я кажу, я, Хрунь, кумъ!“

Настала нóчь. На небѣ сяютъ
Въ тысячахъ зори. И вѣтеръ вѣе

Теплый и милый, листьемъ колыше,
И умиленіемъ землиця дыше,
Може счастливший день намъ наспѣе.
Люди въ спокойномъ снѣ спочиваютъ..

Нѣ, не сплятъ люди, чуешь тотъ спѣвъ,
Безбожный, дикій и лячный?
То крестины!
То розпуста, піятика,
Одна ганьба превелика,
Одна подлость, грѣхъ тяжкій!
Духъ нечистый, духъ измѣны,
Собирае жниво тамъ.
То не люди, то лишь скоты,
Жаль, що въ людской ходятъ плоти
И наносятъ ганьбу намъ!

А надъ ними Божій гнѣвъ!
И проклятье и заглада
Пяныхъ овецъ злого стада,
Отъ, где веде — хруніала!

Ратуйте люди, бо горитъ!
Огонь хату обгортае,
Кто ще може утекае,
Щобъ спастися, и не дбае,
Що въ „бетрумѣ" пяна мати
Вразъ съ дитинкою лежитъ!
Не пора вже ратовати.

Будешь Хруню праздникъ мати,
Хоронити будутъ тѣло,

Тожь, щобы забылся сумъ,
Ты намочишь добре рыло,
Тажь ты — кумъ!

Спасайтесь люди — вы що пьете,
Бо смерть не спитъ,
На Божи суды — всѣ пойдете,
А въ пеклѣ, тамъ — огонь горитъ.

ВСТРѢЧА СЪ СТАРЫМЪ ЗНАКОМЫМЪ.

А теперь я Хрунь розкажу
Велику пригоду,
Слово съ словомъ мудро свяжу,
Где закручу, где замажу,
Бо я такій зъ роду,
Що где ступлю, то всѣхъ чешу,
А що скажу, певно сбрешу.

Приходжу я, где? всѣ знаютъ,
Простъ на пропинацію,
Дивлюсь? Най тя хробы шпаютъ,
Чи мя очи помыляютъ,
Вотъ маешь фрайдацію!
Тожь то Мошко, кроть му тата,
Лѣпшій онъ менѣ отъ свата!

Мыжъ оба якъ братя жили,

Хотя не въ палатѣ,
А все хлѣбомъ ся дѣлили,
Та и „кибель“ выносили,
Въ Ивановой хатѣ!
А теперь, „ґутъ локъ“ краяне,
Піймо, поки свѣта стане!

Мошко, злодѣй, наливае
Я лишь рыло мочу,
А онъ менѣ повѣдае,
Що мнѣ хлятп позволяе,
Тôлько самъ захочу.
И давай же розмовляти,
Що, где, та и якъ чувати?

Каже Мошко:, ну, невроку,
„Найсъ“ пютъ наши люди,
Я шинкую тутъ отъ року,
Троха шахеръ роблю съ боку,
Якось оно буде!
Хлопъ на се на свѣтъ родился,
Щобъ якъ тото свиня впился!

Оно таке, що съ корыта
И помыйке лыкне
Якъ я скажу: „оковита“,
То чи хлопъ е, чи „кобіта“
То „дацолрайтъ!“ крикне,
Оно мае въ мене вѣры,
А я лру ихъ съ пяте шкôре.

Хлопъ тверезый то для жида,

Несчастье и страта,
А якъ пяный якъ сновида,
Якъ посбудесь всего стыда,
То моя заплата.
Хотя пòйде отъ съ торбами,
То жидки будутъ панами!

Онъ гаруе все отъ ранка,
Ажь до ночи въ майны,
А на „пейду“, щобы шклянка,
То пропье все до останка,
Такій въ мене файный!
Хлопъ дурный по самъ край свѣта,
Тфу на него — пій Микита!“

А я Хрунь отъ такъ думаю:
„Правду Мошко каже,
Яжь не дармо научаю,
Слава Хруня, якъ думаю
Не вмре, не поляже.
И ще нашихъ внукòвъ, внуки,
Попадутся въ жида руки!

Насыпъ Мошку, давай съ перцемъ,
Всѣмъ на безголовье,
Най закрутитъ пòдъ реберцемъ,
А я выпю цѣлымъ сердцемъ
За твое здоровье!
Ты жидъ злодѣй, я Хрунь злодѣй,
Тожь намъ жити треба въ сгодѣ!

И въ такой сгодѣ, якъ снѣгъ весною,

Топится доля русской родины,
И все надъ нами жидъ есть горою,
А въ хатахъ нашихъ все голы стѣны,
Паде въ безодню центъ нашь послѣдній,
Надъ нами вѣчно бездоля туча,
И марно гибне Руси сынъ бѣдный,
Его достаткомъ — торба жебруча.

А Хрунь Микита не завмирае,
Неславитъ родъ нашь всюда собою,
И судьбѣ нашой яму копае.

Несчастна Русе, Богъ будь съ тобою!

ХРУНЬ ПАТРІОТА.

Засѣли мы при пайнтѣ пива,
Я Хрунь, Василь, Петро, Андрей,
Хруневъ компаніа правдива
Ажь два „председи" есть тутъ въ ней.

Мы Русь будуемъ всѣ языкомъ,
Хоть вѣчно бродимъ середъ тьмы,
И хрунькаемъ за каждимъ лыкомъ,
Що патрісты — то вотъ мы!

Часамы съ лоба намъ ся курить,
Кумъ куму въ маму накладемъ,
Та тѣмъ никто ся съ насъ не журить,
Изъ одной пайнты дальше пьемъ.

Я все ихъ годжу: „гей Андрею,
Тажь ты „председа“, розумъ май,
Не будь же свате мой свинею,
И свѣже пиво наливай!“

А кумъ Петро, тотъ сновъ побожный,
Его „духовнымъ” други звутъ,
Бо въ него лобъ, якъ дзбанъ порожный,
За то липки долони суть!

Васпль чуприну задирае,
Онъ найдурнѣйшій патріотъ,
За то всѣмъ людямъ повѣдае:
„Вотъ я, свиня, хандрыло, скотъ!”

За нось мы другихъ радо водимъ,
Безъ насъ для насъ весь свѣтъ лихій,
Где только можемъ, всюда шкодимъ,
Свинячій всюда шаемъ рый.

За книжку насъ не смѣй пытати,
А лишь намъ пайнту въ лабу всунь,
Не важся букомъ насъ прогнати,
Бо кождый зъ насъ — Микита Хрунь!

Насъ полно всюда, мы однаки,
За насъ ты долго не пытай,
Коли посдохнемъ якъ собаки,
Тогди на Руси буде рай!”

ХРУНЬ МЕЖИ „ФАМИЛІЕЮ".

Я Хрунь „фамелію" любу маю,
Божь я „Микита" не Иванъ,
И всѣхъ я вамъ попредставляю,
Дивѣтся, вотъ: „велебый панъ".

Для него церковь, вѣра — фрашка
Кто заплатитъ, тотъ и спасенъ,
Щобы доляры и пакташка,
Бо онъ „духовный" „бизнесменъ".

Дальшь носа свого онъ не видитъ,
Где треба, тамъ онъ фарисей;
Робучимъ хлопомъ все ся бридитъ,
За нищо мае всѣхъ людей.

За Русь ничо онъ и не знае,
Ему чужій ей народъ.
За то „велебнымъ" величае
Его хруневскій, подлый родъ!

Есть въ нашомъ родѣ „редахторы'
Такихъ натрафишь тутъ що крокъ,
На грошь они найбольше скоры,
А въ лобѣ сѣчка и пѣсокъ.

Теперь они щось „потунѣли",
Хотя въ „почтенныхъ" лѣзутъ рядъ,
За то, щобъ дальше въ гною рыли,
Они и псови лижутъ задъ!

И ще свиняче пхають рыло:
„Мы „спôлка мудрыхъ“, я и ты!
Взаимно дуймо на кадило,
Мы два столпы е глупоты!“

Мы звонимъ, свербцомъ квачемъ, гладимъ,
А „пипель“ вѣчно изъ „мудрыхъ“ кпитъ,
На то ничо мы не порадимъ,
Бо на невдячныхъ свѣтъ стоитъ!

Мы „редахторы“, „политики“,
Не легко взяти насъ на басъ,
Хруневски мозги та и пики,
А и характерь Хруня въ насъ!

Я Хрунь въ „фамелію“ богатый,
Дивѣтъ, вотъ братъ мôй, наськiй „дякъ“
Якъ хоче „Пже“ заспѣвати,
То все якось иде на вспакъ!

За то „мягенькiй“ онъ и знае,
Съ бискупомъ жити, „пикесъ гутъ“,
Въ „газету“ даже рыло пхае,
Тожь „вченцемъ“ всѣ его зовутъ!

И „загуминокъ“ онъ голоситъ,
Съ такими, бачишь, не жартуй,
А свинска пика ажъ ся проситъ,
„Въ безстыдны очи мнѣ наплюй!“

А дальше „дядько“ салунiста,
Его чей кождый похвалитъ,

У него виска хоть нечиста,
Но онъ подвойно ю числитъ.

Онъ горше жида дре зо шкоры,
А ще кричитъ на полный ротъ:
Хотя и Хрунь я первой мѣры,
Я бизнесменъ, я патріотъ!

И где лишь ступишь, найдешь всюда
Хруневску сволочь, скрозь она;
Картярь, розпустникъ, злодѣй, Юда,
На Руси днесь не новина.

И не дивниця, що минае,
Въ бездолю тутъ за годомъ годъ,
Що слѣпотою Богъ карае
Богатый въ Хруневъ русскій родъ!

ХРУНЬ ТУЖИТЪ ЗА РОДНЫМЪ КРАЕМЪ.

Выйшолъ Микита, выйшолъ отъ бары,
Иде пяненькій, свѣта не видитъ,
На небѣ ночны стелятся хмары,
Нашъ Хрунь очима за ними слѣдитъ,
Хотѣлъ опертись бѣдный при плотѣ,
Ажъ опинился наразъ — въ болотѣ.

„Охъ, якъ паскудно, ой, трястя мамѣ,
Ани ногою, ани рукою,

Яжь въ неодной вже „спочивалъ" ямѣ,
Случилось часто спати на гною,
Та все бывало оно инакше,
Выгóдно, ладно, лѣпше и мякше.

Гей. гей мóй краю, краю рóдненькій,
Якъ тя сгадаю, то сердце рвеся,
Неразъ до дому иду пяненькій,
И припочити въ ровѣ прійдеся,
Якъ то тамъ любо, якъ дуже мило,
Коли псы лижутъ Микиты рыло!

А вчаснымъ ранкомъ, тямлю, якъ нынѣ,
Открыю очи, що за парада!
Знакомы въ коло хрюнкаютъ свинѣ,
Стоитъ при менѣ дѣтей громада,
Кричатъ: „добриденъ!" А я не дбаю,
Встаю, до корчмы просто вертаю.

А тутъ, свѣтъ другій; даже болото
Якось инакше и не смердяче,
Никто не гляне, щобъ знати, кто-то
Лежитъ въ баюрѣ — вотъ такъ ниначе,
Жадной науки люди не знаютъ,
Микиту Хруня за дурня маютъ!

А ще до того тѣ полицмены,
Якъ самъ антипко що то шваргочутъ,
Макогóнъ, бачишь, тримаютъ въ жмени,
Бѣсъ ихъ тамъ знае, що они хочутъ,
Тягне за гичку, и простъ съ пóдхмелю
Таицитъ Микиту Хруня — до „джелю".

Тажъ сиротою я тутки тужу,
И за болотомъ рòднымъ баную,
И хотя хрунямъ якъ можу служу,
То въ внутри сердця тяжко горюю.
И все сбирае мене охота:
„Хруню, до свого вертай болота!"

СВОЯЧЕННИЦИ ХРУНЯ.

Насъ немало, Мери, Ени,
Джули, Льонци, всяка дрань,
Маемъ калапъ и перстени,
Граемъ ролю ясныхъ пань!

Вотъ я перша, служу въ жида,
Онъ мене по лицѣ хляпъ,
А я въ голосъ: „тфу, огида,
Счезай парху, и „шарапъ!"

Въ мене „бойсòвъ" до хоробы,
А я съ кождымъ пиво пю,
Якъ менѣ не до вподобы,
Кажу имъ: „ґераре ю!"

Честь давно я вже пропила,
„Айдонкеръ" великій страхъ,
Чи то разъ я вже служила
Межь жидами умамкахъ.

Я сновъ друга, мужа маю,
Та чортъ ему въ маму трясть,
Я не дармо „бордъ“ тримаю,
Скубу, где ся тòлько дасть!

Не бездурно я пупчарка,
И беззубный маю ротъ,
Я байчарка и пльоткарка,
Я въ сподници першій скотъ!

Теперь трета, страхъ побожна,
Другихъ розуму учитъ,
Присягати однакъ можна,
Що ледащо въ ней сидитъ.

Очи нишкомъ въ землю крые,
За святу ю уважай,
Но що ночами ся дѣе,
Тихо, цыть, и не пытай!

А у тои мужъ гаруе,
И до крови руки дре,
Жѣнка въ дома бенкетуе,
Най тамъ мужа чортъ бере!

Далъ Богъ дѣти? Овва, дѣти!
Пòйдутъ маминымъ слѣдомъ,
Ктожь потрафитъ лекше жити,
Якъ „стритлейда“, або бомъ!

Вотъ сосѣдка! Таку щиру,
Не найдешъ ты скоро тутъ.

И сидитъ собѣ на вѣру,
А ще громы въ ню не бютъ!

Або глянте на Мариню,
Подивись и подумай,
Въ егомостя за „газдиню“,
То найбôльшій чейже рай!

Въ насъ родина пребогата,
И не легкій съ нами файтъ
Та піячка, та пыската
Трета злодѣй — и „олрайтъ!“

Мы всѣ лейди кострубаты,
Нашой „чести“ ты не трунь;
И не важъ насъ зачепати,
Бо съ насъ кожда — славный Хрунь.

ХРУНЬ въ ЗАЛЬОТАХЪ.

У сосѣда хата бѣла,
У сосѣда женка мила,
И набрался Хрунь охоты,
Давай, ити на зальоты.

„Гей сосѣдка, гей красуня,
Поцѣлуй же сердце Хруня,
Щобы было дуже мило,
Поцѣлуй мя въ свинске рыло!“

„Чи ты, Хруню, сновъ упился,
Чи ты, Хруню вже сказился,
Тажь я свого мужа маю,
А на тебе я начхаю!

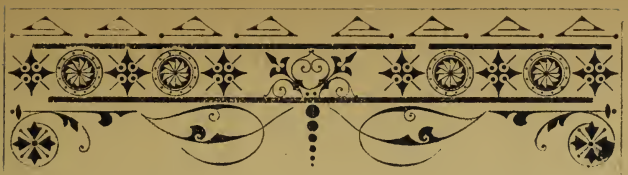
Гейже, Хруню, прочь съ тобою,
Бо спознаешся съ мѣтлою,
Будешь, боме, добре знати,
Где не треба рыла пхати!"

Съ крикомъ, въ лайцѣ, съ гукомъ стукомъ,
Гонятъ Хруня съ хаты букомъ,
Морду сбили, гей Микито,
Ой, не дармо тебе сбито!

А що сбито, не дивниця,
Пяный плота радъ вчепится,
Та потомъ онъ памятае,
Що розпусту Богъ карае!

И такъ то все піякъ и злодѣй — Где тòлько ступитъ, тамъ грѣшитъ — А однакъ „хруни" нынѣ въ модѣ — Межь нами полно ихъ кишитъ. На встыдъ, на соромъ и, публику — Въ громаду вяжутся они — На ганьбу Руси превелику — Божъ то ей, лихи сыны. Проснѣтся люди, выметайте — Хруневство съ хаты, а всѣ вразъ, — На Бога, правду памятайте, — А лутшій часъ прійде для насъ!

(Конецъ другой части.)



Часть трета.

ХРУНЬ КАЕСЯ.

Тфу, хороба, тажъ я пяный,
И не можу выйти зъ дива,
Тòлько выпилъ кочокъ пива,
Трошки виски, а яжь знаный
Съ того, що не пардоную,
Пью, сблююся, пошпасую,
И натуру добру маю,
Старе свѣжимъ пòдливаю!

Тамъ до лиха, яка виска,
Пьешь, а чорта зъ нея маешь,
Ледво кинешь ю до пыска,
А вже смакъ весь забываешь.
А тамъ въ дома, тамъ сивуха,
Якъ наточитъ жидъ псяюха,
Лыкнешь, крикнешь и на славу,
Пòдъ жидòвску лѣзешь лаву!

Горѣленько, мамо рòдна,
Жаль мнѣ за тобою,
Плаче, тужитъ душа бѣдна,
Що такъ самотою
Я блукаю, выпиваю,
Та на тебе забываю,
Тутки, въ чужинѣ!

А тамъ виджу начебъ въ снѣ,
Корчма, свинство, жиденята,
Обшарпана и патлата
Сура — начебъ рôдна мати,
Наливае, ще и лае,
И свинею называе.
Та все зъ сердця. Якъ сгадати,
То ажъ сердце затремтитъ!

Та и Мошко добрый жидъ,
Онъ же носится съ вашеци,
Такъ по пански. Все жартуе,
Трѣсне Хруня по пащецѣ,
И колѣномъ почастуе,
Но все честно. Якъ смѣшае
Всѣ помыи, тамто рай,
А тутъ душа погибае

. . . . . .

Баркетендерь наливай!

. . . . . .

Ой же Хруню, ой Микито,
Чи зле тобѣ было тамъ,
За чуже звычайно жито,
Всѣ тя били по зубамъ.
Где лишь ступишь, всѣ смѣются,
Кождый каже: вотъ свиня!"
А я знаю, що — то я!

Где попются и где бются,
Тамъ Микита сердцемъ радъ,
Якъ жандармы тамъ найдутся,
Я самъ руки пхаю въ задъ,

И паную въ ланцушкахъ!

А тутъ сумно, що ажъ страхъ!

Ходжу, блуджу одинокій,
Не поможе одноокій,
Вуйко. Хрунь ся кае
Якъ сгадае,
Що въ болотѣ тамъ лежалъ,
А тутъ въ по̀длой Америцѣ
Помарнѣлъ я, бачь, на пицѣ,
Та звычайнымъ бомомъ сталъ!

Самъ не знаю, чи вертати,
Чи тутъ дальше бомовати
На встыдъ, ганьбу всѣмъ сынамъ
Земли тои, що проклята
Отъ тѣмъ то̀лько, що богата
Въ хруневъ, що на Юды слѣдъ
Всѣмъ на ганьбу и на стыдъ

Поступаютъ, забываютъ
На народну нашу честь,
Що где ступишь, скро̀зь почуешь
Подивуешь, забануешь,
Що скро̀зь полно хруневъ есть!

Повстаньте братя, часъ ко̀нчати — Съ темноты царствомъ, и начати — Житье нове — Тажъ Русь, святая наша Мати — До труда вѣчно насъ зове! Повстаньте братя, намъ не треба — Якъ лозамъ гнутись все въ каблукъ — Намъ помочи призвати съ неба — И книжку брати намъ до рукъ! Повстаньте братя, до оконця — Намъ то свѣтло ясне бъе —

Стремѣти треба намъ до солнця — Где свѣтъ науки, тамъ Русь жіе! Повстаньте братя, нехай скрозь жилы — Польесь нова, здорова кровь — Не намъ лягати до могилы — А намъ пора, щобъ мы прозрѣли — Мессію свого щобъ встрѣтили — Ему имя свята любовь!

ХРУНЬ НА БАЛІІ.

Мы ся балюемъ, скрипочка грае,
„На церковь" пива наливай,
Хрунь днесь веселый, Хрунь гуляе,
А ты музыка добре грай!

Дальше дѣвчата, выкрутасомъ,
На хлопця зъ боку окомъ липъ,
А ты краяне за шинквасомъ,
Не стой даремно — виску сыпъ!

Най кождый хляе, скольке може,
Тверезыхъ тутъ не треба намъ,
Мыжь пьемо нынѣ всѣ „на Боже",
И на погибель всѣмъ врагамъ!

Худоба морду роззявляе:
„Гей, Хруню въ танецъ, то нашъ баль,
Хотя послѣдне-сь пропивае,
То чортъ бери — грошей не жаль!"

Сталъ Хрунь по пански танцевати,
Въ подлогу носомъ вразъ зарылъ,

Почали люди ся смѣяти,
Бо Хрунь якъ пень пяненкій былъ!

Та Хрунь языкъ ще мае въ губѣ,
Всѣмъ гостямъ маму нагадалъ,
Тожь не дивуйтесь кумы любы,
Що судный день наразъ насталъ.

Полилась юшка, Хруня въ рыло
Пястуко́мъ рѣже кумъ и сватъ,
Не бойтесь братя — дальше смѣло,
Такъ всѣ бали ся тутъ ко́нчатъ!

Прійшла полиція, все въ порядку,
Ноги на плече забирай:
А Хру́нь Микита на остатку
Иде до „джелю“, айнсъ, цвай, драй!

Настала днина обрахунку,
„Комитетъ“ дуже знати радъ,
Съ „гетчеко́въ“, вступу, та и трунку,
Чи „вайтры“ щось для насъ дадятъ!

И показалось то́лько зыску,
Що Хрунь найлутше ще стоитъ,
Бо онъ до́сталъ бодай по пыску,
А братска каса — з а п л а т и т ъ !

Отъ такъ, балюймося „на Боже“ — При висцѣ, немсахъ, піймо всѣ — То нашой нуждѣ чей поможе — Коли погибнемъ въ темнотѣ. Гей люди, люди, часъ протерти — Заспалы очи, часъ вже часъ — Про до житя, а не до смерти — Святая Русь зове всѣхъ насъ!

ХРУНЬ ВЪ ГОСТЯХЪ МЕЖИ „ТЕЛИГЕНЦІЕЮ".

Мене, Микиту просятъ въ гости,
Ну, Хрунь на то всегда есть радъ,
А тамъ паны и егомости,
Не можна цофнутися въ задъ,
А треба дружно съ ними жити,
И паньску виску съ паньска пити!

У мене розумъ, и великій,
Надуюсь съ горда, вотъ тамъ бачъ,
Спôзнати трудно менѣ зъ пыки,
Що я жидôвскій попыхачъ.
Я о холяву нôсъ втираю,
Та деликатно попиваю.

А „паньски" гости, ей хороба,
Тягнути знаютъ не на жартъ,
Часами льеся пôтъ имъ съ лоба,
И отъ горѣлки и отъ картъ,
Я кимитую, що вотъ нынѣ,
Есть межъ „панами" также свинѣ.

Прійшла вечера, тай кадило
Въ тоастахъ всѣ собѣ палятъ,
Я тожъ наставилъ рыло смѣло,
„Паны вельможны чей свелятъ
Сказати слово?" можна, можна,
А я началъ такъ съ осторожна:

„Паны ласкавы, якъ той кае,
Коли на скрини полный дзбанъ,

Тогдѣ то кождый потягае,
И вы и я, зъ насъ кождый панъ.
Чи „панъ велебный“, чи Микита,
Одна свиня, кобы лишь сыта!

Отъ такъ то нынѣ тутъ сойшлися,
Почтенны гости, честь имъ, честь,
„Компаніо“ любо веселися,
Бо тутъ корыто полне есть.
А мы тутъ мудро попрацюемъ,
Розумно, умно Русь будуемъ!

„Паны велебны“ най спѣваютъ
И сему шкóру зъ хлопа друтъ,
Най „редахторы“ помагаютъ,
А що ся трафитъ, най крадутъ.
Въ злодѣйску клюмпу всѣ ставаймо,
И „Миръ вамъ Хруни“ заспѣваймо!

А хлопъ, дурный онъ чейже зъ роду,
Най пропадае, „айдонкеръ!“
А мы напіймося на сгоду,
Щобъ „духъ народный“ не завмеръ!

Якъ до теперь такъ и до нынѣ,
Ставаймо дружно въ хороводъ,
Мы „телигентны“ чейже свини,
Пышаесь нами хруневскій родъ.
Тожъ вамъ вельможнымъ отъ корыта,
Пòдношу я: на Многа лѣта!“

И всѣ мы любо заспѣвали,
Тажъ кождый зъ насъ естъ труда сынъ,

И дальше жерли, дальше хляли,
Крѣпили силы на починъ,
Ажъ вотъ „велебный" первый главу
На тихій сонъ склонилъ пòдъ лаву.

Потòмъ мы сталися пращати,
Божь бѣлый день уже свиталъ,
Я, Хрунь, щобъ пана показати,
На „памятку" двѣ ложки вкралъ.
И щобъ начати мудро днину,
Пòйшолъ до Мошка на гостину!

Въ недѣлю, въ церквѣ, ксендзъ казали:
„Не пійте люди, бо то грѣхъ!
Мабудь що кѐпско ся проспали,
Тогдѣ, бо баль былъ не на смѣхъ.
А я думаю: „вотъ вамъ штука,
Вотъ панскій розумъ и наука!"

„Не пійте люди!" научаютъ — Ксендзы, паны, сварятъ, ганблятъ — А самы скòлько пропиваютъ? Кому музыки въ готеляхъ граютъ? — Чому паны до полдня спятъ? Гей фарисеи съ духа, крови — На васъ тяжитъ найтяжшій блудъ — Законъ вы топчете Христовый — И васъ першихъ чекае судъ. Вы дармоѣды, лицемѣры — Вы полны желчи а и тли — Вы святость правды, мира, вѣры — На торгъ свели! Словами правды научайте — И голосѣтъ святу любовь — Та злымъ житьемъ не оскверняйте — Святыхъ основъ! Бо зле иначе буде съ вами — Проклятье вѣчне піякамъ — Хотя они есть и панами — Пора трезвитись разъ вже намъ!

ХРУНЬ ПОСТИТЪ.

Насталъ часъ посту, Хрунь не дбае,
Тожъ поступовый нынѣ свѣтъ,
И до газдыни повѣдае:
Менѣ капусту помастѣтъ!

Въ ночи піяный Хрунь приходитъ,
На лавѣ онъ подъ гавзомъ сѣлъ,
Отъ тутъ най лобъ ся обхолодитъ,
Тутъ и капусту Хрунь бы съѣлъ.

Намацалъ миску гдесь при грубѣ,
Капуста пахне, начинай!
А „шкварковъ" въ ней! На кождомъ зубѣ
По десятъ чуешь, тамъ то рай!

Спустилъ вже бо́льше половины,
Поставилъ миску, отсапнулъ,
А що тамъ курится съ чуприны,
То тутъ на лавѣ и заснулъ.

А рано каже: „гей капуста,
Такой-бъ ѣсти въ кождый часъ,
Пахуча вамъ, та ще и „тлуста",
„Газдыне, файн, а шлякъ на васъ!"

Газдыня рыло роззявляе:
„Масна капуста, где она?"
Та и до миски заглядае,
Тфу, цурь, публика, осина!

Вотъ, якъ звычайно, кождой ночи,

По горшкахъ шляесь всяка гадь,
Въ капусту внадились какрочи,
Теперь, що хочешь, Хруню радь.

Смачны съ какрочôвъ съѣлъ ты „шкварки,
Здорово дыхай! Чортъ бери!
„Чи намъ, газдыне, треба сварки,
Махай по виску, разъ, два, три!“

Хрунь, якъ голодный, то вамъ живо
Проковтне радо лысыхъ сѣмъ,
Що тамъ какрочи — дивне диво,
Тажь я не песъ, я все вамъ съѣмъ!“

Отъ такъ то хруни, на огиду,
По свому пôстъ святый хранятъ,
У нихъ нѣтъ чести, ани встыду,
Они съ свинею — за панъ братъ!

ХРУНЬ ПРИ „РОБОТѢ“.

Пытаютъ люди, съ отки мае
Микита гроши? Що пытати,
Трудится, робитъ, заробляе,
Тожь при охотѣ муситъ мати.

Вотъ подивѣтся — въ „гавзѣ“ Джана
До пôздной ночи все въ роботѣ,
Не гасне свѣтло тамъ до рана,
На хлѣбъ всѣ роблять въ чела потѣ.

Микита „форманъ“, карты въ жмени,
„Блиндъ“ „слѣпо“ „цупасъ“ „шандля око“,
Сыплятся „кводры“ до кешенѣ,
Бо гра иде досытъ высоко.

Тратятъ послѣдный грошь „гриноры,
Та тихо то, такъ мае быти,
Бо Хрунь до лайки дуже скорый,
Еще готовый поганьбити.

Часами лучится паскуда,
Що Хрунь фальшиво тягне карты,
Тогдѣ конецъ тяжкого труда,
То „мордобитіе“ не на жарты!

Но такъ звычайно, всѣхъ онъ слупитъ,
Наѣсть и лыкне ще до сыта,
Ему и „цигарь“ кождый купитъ,
И припѣвае Хрунь Микита.

И припѣвае, обдирае — Съ послѣдной шкоры всѣхъ и вся — Еще и рыло задирае — Картяръ и злодѣй вотъ то я! Еслижъ тогдѣ прійде охота — Сказати правду, Боже хрань! — Хотя картярь, онъ патріота — А не яка тамъ проста драпь, — Онъ ся за вѣру роспинае — Языкомъ онъ Богъ вѣсть якій — За то фальшиво въ карты грае — Несе до банку грошь чужій! Смѣтье плюгаве, и закала, — И часъ кончати разъ вже съ нимъ — Бодай земля ся хоть запала — Подъ тѣмъ картярскимъ родомъ злымъ. А вы „гриноры“ патріоты — Покусу прочъ всегда гони! Тамъ въ краю жѣнка, бѣдны дѣти, — Тамъ нужда скрозь, облогъ, пустярь — Ни имъ вмирати

ни имъ жити — А „тато" тутъ піякъ, картярь! А якъ не стане такъ такъ роботы — И центъ минеся, що тогдѣ? — Картярь не мае щось охоты — Съ такимъ заграти, що въ бѣдѣ, — Гей схаменѣтся, бійтесь въ груди — Конецъ кладѣтъ тяжкимъ грѣхамъ — Тажь вы не скоты, тажь вы люди — По людски жити треба вамъ!

ХРУНЬ „ЛОЕРУЕ" (АДВОКАТУЕ).

„Умѣешь Хруню, ты писати?"
„А що ты думаешь, ще и якъ,
Якъ смѣешь дурню и пытати,
Я лутше пишу, якъ самъ дякъ!

Тажь я кончалъ со свиньми школы,
Хвости коровамъ заплѣталъ,
При адвокатахъ съ доброй воли,
Мѣтлою часто я писалъ!"

„Бо вотъ Микито, я турбацію
И „трубель" въ краю маю тамъ,
Писатись тра на „табеляцію"
Бо тато грунтъ оставилъ намъ.

А лоеръ хоче все „кешь моней"
„Гей, но що лоеръ, добре знай:
Ту проста рѣчь, якъ на долони,
Я сроблю все, ты наливай!"

Я всяке право добре знаю,
Я съ возьнымъ съ суду за панъ братъ,
Якъ я напишу намотаю,
То всѣ паны насъ похвалятъ!

Давай же братку для завдатку
Долярóвъ десять, хоть пожичъ,
А тамъ доложишь ще и пятку,
Та не забудь на могоричъ!

Писалъ Микита, що, чортъ знае,
Що написалъ, то и пôслалъ,
А хлопъ на отповѣдь чекае,
До конца свѣта буде ждалъ.

Хрунь, майстеръ добрый: „видишь каже,
Писати треба ще разъ въ судъ,
Бо якъ паперъ ся тамъ заляже,
Паны его и не найдутъ!

И сновь на стемпы, на чорнило,
И за „фатигу“ центъ иде,
Микита — лоеръ мочитъ рыло,
И „справу“ дальше онъ веде.

Такихъ „лоерóвъ: добре знаемъ,
На тысячи числятъ у насъ,
Они насъ дурятъ, мы не дбаемъ,
Чи лоеръ онъ, чи свинопасъ!

Одинъ веде тебе до жида,
Божъ онъ „менаджеръ“ — калакунь,
Облупитъ кума и сосѣда,
Ще высмѣе плюгавый Хрунь!

Гей схаменѣтся, букомъ съ хаты,
Жени публику — изъ очей,
Най иде стрити замѣтати,
Най не цыганитъ бо́льшь людей!

ХРУНЬ ЗА ЖЕЛѢЗНЫМИ ФИРАНКАМИ.

Сиджу при барѣ, кимитую,
Ажъ тутъ надходитъ якійсь панъ,
Нехай собѣ! Ажь вотъ що чую:
„Юръ неймъ исъ Хрунь?" Есеръ! Команъ!

Хороба въ маму, чого хоче,
Чепаесь дурень, що за дивъ,
Та баркетендеръ мнѣ шепоче,
„Ничь не кажи, то детективъ.

А тотъ кайданки вже готовитъ,
Маешь дарунокъ, тамъ то, на,
Мене однакъ никто не словитъ,
Менѣ таке не новина!

Пойшли мы гречно простъ до корту,
„Ключникъ" до клѣтки мя веде,
Та бо я виджу, ехъ же къ чорту,
Що тутъ посидѣти прійде!

За що? А бѣсъ тамъ спамятае,
Кто то на мене ся увзялъ,

Человѣкъ руки чейже мае,
Та не отъ того, щобъ не кралъ!

Почую въ судѣ и увиджу,
Яку менѣ даютъ вину,
А якъ прикажутъ, то посиджу,
На „вольной“ причи отпо́чну!

Велика справа, криминалы,
Чи то що злого? Чуешъ, гей!
Тажь криминалы будували
Не для собакъ, а для людей!

Сидѣлъ я въ дома въ магистратѣ,
Въ арештѣ я найпершій зухъ,
Газдую тамъ якъ въ ро́дной хатѣ,
Божь я тамъ во́йтъ и посмѣтюхъ.

И тутъ посиджу, най „гангликн“,
Годуютъ Хруня, покъ схотятъ,
Та арештъ чейже не на вѣки,
Колись пустити мя велятъ.

Тогдѣ на ново погуляю,
За лыкомъ въ горло по́йде лыкъ.
А сновъ замкнутъ, то я не дбаю,
Бо я до причи вже привыкъ!

Ой сумно, прикро, якъ ся чуе — Що встыду ь людяхъ бо́льше нѣтъ — Піякъ еще ся гоноруе — Іо по арештахъ онъ сидитъ — Чужи зовутъ насъ икунами — Нигръ, чайнъ смѣеся та и кпитъ — наши люди за кратками — Глядятъ на ясный,

Божій свѣтъ. Еще смѣеся, що не съ псами — А съ бомами сутъ за одно — Гей, люди, лихо дѣесь съ нами — Та и скóнчатся зле оно! Пора розстатись съ темнотою — Бо такъ, якъ днесь, не добре есть — Най правда буде все горою — Спóмнути часъ на Руси честь!

ХРУНЬ НА КОНВЕНЦИИ.

Наставилъ Хрунь свиняче рыло,
Онъ же „делегатъ“ — не на жарты,
Отъ тутъ ся буде гарно жило,
Съ флящины, пайнты, а и кварты.
Божь то конвенціа и выборы
А тѣ, що дбаютъ о гоноры,
Въ урядъ конечно хотятъ,
Нехай платятъ!

Засѣли въ гали делегаты,
И радятъ умно, якъ звычайно,
Хрунь муситъ рыло всюда пхати,
Пóдпилъ сердега дуже „файно“
И морду вѣчно роззявляе,
А що плете, то самъ незнае,
Но люди кажутъ: „вотъ Хрунь кумъ,
Тотъ мае умъ!“

И все онъ первый „подпоруе“,
„Объ-дзьекъ“ крпчитъ, а всѣ смѣются,

Що Хрунь по пьяному газдуе,
А людски центы просто льются,
Въ безчестныхъ руки, божь конечно,
Покпити треба все „безпечно“
На то конвенціа, щобъ „обдзьекъ“
Мпнался „кеекъ!“

Вотъ кандидаты на „председу“
Пять салонистовъ, всѣ гонорны,
Дураки съ заду и переду,
На совѣсти якъ чортъ самъ чорны,
Но маютъ центы и доляры,
Пильнуютъ кековъ та и бары,
За то для нихъ найперше есть
Отъ хруней честь!

А тамъ вдовицы нарѣкаютъ,
Що ладъ въ сусайдѣ не хорошій,
Сиротски центы пропадаютъ,
За то председы роблятъ гроши,
А „урядъ“ певно ся не змилитъ,
Межъ себе мудро, гроши дѣлитъ,
Така сусайда, добре знай,
То Хрунямъ рай!

Оно не жарты, кождый знае,
Що по „сусайдахъ“ щось не ладно,
Злодѣемъ злодѣй поганяе,
И все ся творитъ дуже складно,
Бо где поглянешъ, скрозь Микиты,
Чужимъ добромъ умѣютъ жити,
Отъ коли въ „урядъ“ попаде,
Якъ крукъ краде!

За то „конвенція“ все слагодитъ,
Спокôйно дружно, та и живо,
А делегатамъ ничъ не шкодитъ,
По що межь двери пальци класти?
На то „сусайда“ — щобы красти,
Председо пива хрунямъ дай!
За себе дбай!

И такъ то хруни все панами,
А грôшь сирôтскій въ ихъ кешени,
Взяли „сусайды“ въ свои жмени,
Паношатся они лѣтами,
Жрутъ, пьютъ, и хрунькаютъ якъ свини,
Вотъ всѣхъ бы и днешной днины,
За людски кривды, бôль и жаль,
На гакъ и паль!

ХРУНЬ НА СМЕРТНОЇ ПОСТЕЛИ.

Лежитъ Микита въ остаткахъ силы,
Лице поблѣдло, запали очи,
На челѣ грубо тягнутся жилы
И цѣлы тыждни и дни и ночи
Онъ все въ горячцѣ, и самъ онъ знае,
Що то съ косою смерть ся сближае.

Микита, чуешь? Якъ костяками
Она шелесче? И якъ смѣеся,
Косу сухими держитъ руками,
А надъ тобою голосъ несеся.

Досить нажилъ ся ты въ всякой злобѣ,
Пора лягчи вже на вѣки въ гробѣ!

Микито, чуешь? где салонисты,
Где пріятели, где всяки Джаны?
Тажъ ты жіешь ще, хотябъ повѣсти,
Они повинны, що ся, якъ стане,
Коли полишитъ духъ тото тѣло,
Котре такъ долго тяжко грѣшило.

А ты самъ тутка, всѣ утѣкаютъ,
Бридятся даже воды подати,
И кôнця твого давно чекаютъ,
А ты умѣлъ же все про нихъ дбати.
Выпивалъ съ ними, цѣловалъ пыски,
Звалъ ихъ камратствомъ отъ пива и виски,

А гдежь есть Мошко? начебъ братъ любый,
Ты былъ для него — робилъ що смога,
Щобъ жидъ всѣхъ стрѣчныхъ довелъ до згубы,
Для жида зрекся ты вѣры, Бога,
А жидъ на тебе не памятае,
„Тфу, каже, хазеръ, нехай счезае!

И ты исчезнешъ, якъ все огидне,
Якъ все пропавше и все прокляте,
Померкне око, лице поблѣдне,
Хруню, ладнайся, часъ погибати,
Люди на тебе давно чекаютъ,
Въ ровѣ цвинтарномъ яму копаютъ!

Чи видишъ Хруню, тамъ, геть, за моремъ
Село, родина отцѣвска хата,

То она зерномъ буде богата,
Нивка, котору коли заоремъ,
Ты все то стратилъ, то все радѣе,
Що твоимъ духомъ оттамъ не вѣе!

А чуешь Хруню, тамъ дѣти плачутъ,
То твои дѣти, що сталось съ ними?
Они гробъ мамы своеи бачутъ
Они ся мыютъ слезми горкими,
Они подъ ними босо блукаютъ,
Тебе Микито все проклинаютъ.

А народъ русскій, чи онъ виновенъ,
Що ты за водку въ слѣдъ пшолъ Юды?
Що повенъ здрады и злобы повенъ
Служилъ ляхамъ все и множилъ блуды,
А твои братя они страдали,
Ихъ въ криминалы ляхы саджали.

Теперь ты видишь, чуешь и знаешь,
Що прійшла хвиля Божой отплаты,
Ты нынѣ може горко ся каешь,
Но уже поздно, не умирати,
А подохати прійдеся тому,
Житье смѣняе въ страшну содому.

Що то ся крутитъ коло барлога?
То чортъ чекае на душу чорну,
А смерть подходитъ вже отъ порога,
Возноситъ въ небо мольбу покорну!
Даремно слово! не отъ Микиты,
Жидай, щобъ знался онъ помолити!

И вотъ встряслося плюгаве тѣло,
Уста шепочутъ: „гей, умираю!"
А чортъ за душу хватае смѣло,
А тамъ на небѣ, гень край отъ краю,
Чорнѣесь хмара, бо сонце Боже,
На смерть проклятыхъ зрѣти не може!

Вже ся скóнчило, дальше краяне
Летѣтъ по водку, и помпнайте,
Кажѣтъ, що: „всѣмся намъ таке стане!"
А тамъ до пяна понапивайте
Собачи рыла, нехай свѣтъ знае,
Що Хруня бóльше въ живыхъ не мае!

Гей люди, люди, нѣтъ, слóвъ не маю,
Щобъ камень сердця въ всѣхъ сворушити
И тóлько прошу и умоляю,
Разъ схаменѣтся, не часъ вже пити,
Бо кто не хоче съ грѣха повстати,
Тотъ разомъ съ Хрунемъ буде проклятый!

НА БОЖОМЪ СУДѢ.

Озвались трубы — задрожи свѣте,
Самъ Богъ на суды грѣшныхъ позвалъ,
„Божого гнѣва слово пріймѣте!"
И Хрунь трясучій съ другими сталъ.

Поглянулъ Ангелъ въ книгу и видитъ,
Що тамъ лишь зло есть, и грѣхъ тяжкій,
За ходомъ жиздни Микиты слѣдитъ,
А выслѣдъ дуже, дуже лихій.

Заповѣдь всяку Божу, церковну,
Людски законы, стоптальъ, сломилъ,
И вотъ приносишь душу виновну,
Хочешь, щобы Господь тобѣ простилъ?

Онъ же для тебе поленъ любови,
Себе самого отдалъ на крестъ,
Не щадѣлъ въ мукахъ святои крови,
И гдежь хосенъ изъ мукъ тѣхъ есть?

Тебе святая Церковь учила,
А ты не слухалъ еи наукъ,
Для тебе корчма божнею была,
А до молитвы не склалъ ты рукъ.

Коли звонили, звали въ святыню,
То ты поллитромъ въ корчмѣ звонилъ,
Смѣшилъ паршиву свою газдиню,
И на погибель „побожныхъ“ пилъ!

Прійшолъ Великдень, въ блескахъ и славѣ,
Сіялъ великій Христовый міръ,
А ты у жида храпѣлъ на лавѣ,
Наче плюгавый безумный звѣръ!

Не дбалъ о матеръ, не слухалъ тата,
Кралъ, що ся дало и въ кождый часъ,
Въ пекло смѣнялась несчастна хата,
Плачь, зойкъ, проклятя все чутны въ васъ!

А где ся дало, тамъ ты безлично,
Множилъ розпусту, сквернымъ грѣхомъ,
И ніакъ велося съ тобою вѣчно,
Гадку о смерти звалъ ты смѣхомъ.

Колько душь людскихъ, нынѣ проклятыхъ
Завелъ ты просто, на муки въ адъ,
И теперъ хочешся оправдати,
Теперь спасеннымъ ты быти радъ?

•

Нѣтъ, тобѣ мало всякои муки,
Ты съ всѣхъ послѣдный; въ проклятя тонь
Счезай — даремно подносишь руки,
Иди проклятый въ вѣчный огонь.

Бо кто на Бога, честь забывае,
Кто ся не кае грѣховной гры,
Тотъ нехай знае и памятае
Що Богъ прощае лишь до поры!

А тамъ начнеся суда година,
На котрой стане всякъ человѣкъ,
И кожда злоба, кожда измѣна,
Огнемъ накажесъ по вѣчный вѣкъ!

Заграли трубы, вже судъ кончится,
На муки вѣчны, бо въ пекло тамъ,
Ангелъ потѣхи вже не явится,
Тамъ плачь, и скреготъ вѣчный зубамъ!

И тамъ-то, въ адѣ, по конецъ свѣта
И цѣлу вѣчность середъ огня,
Страдати муситъ всякій Микита,
Который хрунемъ сталъ за житя!

ПОХОРОНЪ И ЗАКЛЮЧЕНЬЕ.

Похоронили Микиту Хруня,
Поплыли слезы нужденныхъ чадъ,
Жалѣли дѣти, млѣла мамуня,
Плакалъ жидъ нехристъ за хруня, „сватъ“.

А народъ Божій весь, що дивился,
Моленіа къ Богу взносилъ свои,
Щобы подобный Хрунь не родился
На той несчастной нашой землѣ.

Щобы горѣлковъ въ пеклѣ топили,
И частовались нею бѣсы,
Щобъ пропинаціи съ вѣтромъ поплыли,
Несчастье, горе пойшло въ лѣсы.

Пропалъ изъ хруневъ одинъ піяка,
Но тысячъ иншихъ ще смерти жде,
Такой самой, якъ Хрунь Микита,
Такая нагла ихъ постигне.

А тѣмъ, що нынѣ грѣхъ свой познали,
Зъ житья Микиты наука намъ:
Щобъ ся піянству не отдавали,
Не подобали жаднымъ хрунямъ.

Чи то такъ было, або не было —
Не пытай лучше, а только знай,
Що такихъ Хрунѣвъ, где бы не было,
Полно стрѣчаесь, где загадай.....!

Самъ стережися того порока,
Борони чести своей души,
Знай, що піянство — запоморока,
То ножъ на тебе за твои гроши.

Всѣ стережѣтся, всѣ памятайте,
Щобы не впасти въ злобную сѣть,
Паршивой корчмы всегда минайте,
Ибо піякамъ прощенья нѣтъ!

Цѣнникъ книжокъ
РУССКОЙ КНИГАРНИ
П. Ив. СЕЙФЕРТА,
220 E. 3. ул. Нью Іоркъ.

Молитвенники въ хорошой (костяной) оправѣ.

Богъ надежда моя	$	2.50
Молитвословъ мірскій	,,	2.50
Хлѣбъ Души	,,	2.50
Другъ души	,,	1.50
Изборникъ церков. малый	,,	2.50
Вел. Изборникъ	,,	6.00
Горѣ имѣемъ сердца	,,	1.25

Молитвенники въ шкоряной оправѣ.

Хлѣбъ души	$	2.00
Горѣ имѣемъ сердца	,,	1.00

Молитвенники въ звычайной оправѣ.

Богъ надежда	$	1.00
Молитвословъ мірскій	,,	1.00
Хлѣбъ души	,,	80
Дорога до счастья	,,	60
Другъ души	,,	60
Да святится Им. Твое		25
Горѣ имѣемъ сердца	$	50
Вел. изборникъ церков.	,,	5.00
Требникъ	,,	7.00
Житья святыхъ нове	,,	4.00
Апостолы и Евангелія	,,	45
Пѣсословецъ	,,	50
Вел. сборникъ пѣсней цер.	,,	1.25
Библія велика	$	2.00
Исторія библійна	,,	1.00
Катехизмъ вел.	,,	40
,, малый	,,	15
Псалтиръ вел.	,,	3.50
,, мал.	,,	1.20
Коляды	,,	25
Страсть Христова	,,	15

Книжки до читанья.

Илюстрована Исторія Руси	$	1.00
Русскіи народныи пѣсни (коломыйки)	,,	25
Деклямаціи Ивана Кума	,,	20
Великій сборникъ декл.	,,	40
Товаришескіи забавы	,,	15
Якъ закладати сады	,,	20
Жизнь Пресв. Богородицы	,,	10
Що насъ губитъ	,,	10
За сиротою Богъ съ калитою	,,	10
Герой изъподъ хлоп. стрѣхи	,,	20
Наша Исторія	,,	20
Отче нашъ	,,	10
Букварь	,,	25
Гальшка	,,	25
Сироты	,,	20
,, на литер. языцѣ	,,	40
Изъясненіе Божеств. Литур.	,,	20
Сказки и розказы	,,	10
Истор. Прик. Руси	,,	20
Повѣсти	,,	10
Житья святыхъ	,,	10
Борба о душу	,,	10
Гал. розказы	,,	25
Онуфрій Грушкевичъ	,,	20
Ночь	,,	20
Иванъ Дуракъ	,,	10
Иванъ рѣзбярь	,,	10
Жертвы пьянства	,,	10
Митропол. Анд Шептицкій	,,	5
Первыи послы гал. Руси	,,	10
МИКИТА ХРУНЬ	,,	25
Преп. Ефрозина	,,	10
Сонникъ	,,	30
Русско-англійскій тлумачь	,,	60
Польско ,, ,,	,,	50
Польско-нѣмецкій	,,	75
Робинзонъ	,,	30
Геновефа	,,	30
Христовъ листъ	,,	25
Божій листъ	,,	15
Цыганка Красавиця	,,	25
Домашный секретаръ	,,	55
Ворожбитъ ,,Пшениця''	,,	10
Где шукати правды	,,	40
Житье и подвиги Кир. и Меѳ.		10
,, и дѣятельность Ив. Наумов.		55
Кто нашъ просвѣтитель	,,	8
Луць Заливайко	,,	20
Житье и дѣят. М. Качковского		55
Америка	,,	8
Якъ въ простотѣ жіютъ люди	,,	60
Весѣльный староста	,,	15
Новый сбор. народ. пѣсень	,,	25
Книжка рахункова	,,	40
Кухарскій порадникъ	,,	25
Лѣкарскій порадникъ	,,	50

Листовый папѣръ съ образками русскихъ патріотовъ або святыхъ пачка (25 арк. и 25 ковертъ) 30 ц.

Народно-рус. посткарты, штука 2 ц.

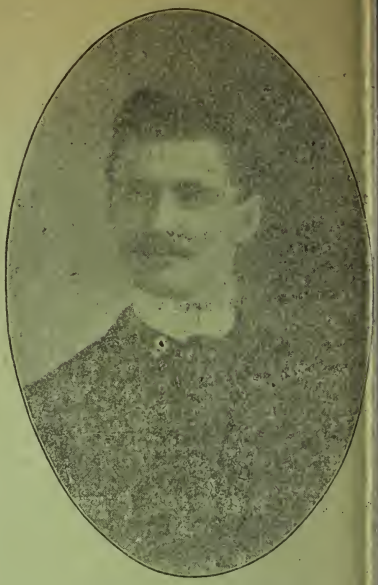
100 ковертъ и 100 арк. листового паперу съ выдрукованымъ именемъ кождого, кто замовляе, $ 1.25

П. И. СЕЙФЕРТЪ

редакторъ „Зазули“

220 E. 3. ул.

Нью Іоркъ, Н.І.,



залагоджує справы нотаріяльныи, судовіи и войсковіи. Посередничитъ въ справахъ Русиновъ въ Австріискомъ Консулятѣ. Перепроваджує пертрактаціи спадковіи и интабелює довги.

Высылае гроши до всѣхъ частей свѣта.

— СПРОДАЄ —

шифкарты по цѣнахъ компанічныхъ до всѣхъ портовъ въ Европѣ.

треновіи тикеты на всѣ плейзы въ Америцѣ.

ЛОТЫ и ФАРМЫ.

книжки церковныи и свѣтскіи. Цѣнникъ книжокъ, за замовленьемъ высылаемъ даромъ.

Друкує братскіи статуты, книжки, тикеты на баль, програмы и пр.

Слагоджує металевіи и гумовіи печатки для братствъ и бизнесмановъ.

АДРЕСА:

P. I. SEIFERT,

220 E. 3rd Street. New York, N. Y.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 082556017